

на чаши весов свое достояние. На одну — прегрешения против бога, на другую — то, что приобрел из книг своим рвением. Сравнив то и другое, я понимаю, что худого у меня больше, нежели хорошего, но этим малым я горжусь сильнее, чем огорчаюсь многим»¹.

Для понимания своеобразия личности Пселла приведем его характеристику, данную в книге исследователя творчества византийского мыслителя, Я. Н. Любарского: «Ощущение Пселлом своего интеллектуального "избранничества" явно противостоит традиционной приниженности и христианскому смирению его предшественников... Пселл и его ближайшее окружение жили в определенном нравственном климате со своими этическими нормами и категориями. Сострадание, душевная мягкость, прощение человеческих слабостей, нравственная гибкость — таков ряд этических категорий, исповедуемых писателем. Антиаскетичность и "свобода" морали, исповедуемой писателем, противостоят нравственному ригоризму монашеских кругов. Пселл оказывается необыкновенно терпим в сфере не только интеллектуальной, но и этической... в своем рядовом, ежедневном поведении, в "бытовой" морали Пселл проявляет себя человеком, постоянно готовым к компромиссам и маневрированию, проявлениям сервилизма»².

Если Михаилу Пселлу — не только философу и историку, но и опытному политику-царедворцу — удавалось сочетать устремленность к античным истокам и лояльность к церковному учению, то его ученик и продолжатель *Иоанн Итал* (2-я половина X в.) вступил в прямой конфликт с церковной ортодоксией. Сменив Пселла на посту «ипата философии», Итал пытался развивать рационалистически-богословскую точку зрения, весьма отличную от принятой ортодоксии, в том числе и во взглядах на этику, на поведение человека. Когда это привело к конфликту, он вынес споры на константинопольские площади. При большом стечении народа Итал излагал свои идеи, отдавая предпочтение разуму перед верой и сокрушая противников силою логических аргументов.

¹ Цит. по: Любарский Я. Я. Михаил Пселл: Личность и творчество. С. 98.

² Там же. С. 122-123.